

Как в «Анне Карениной» «всё смешалось в доме Облонских», так в генах моего военного поколения (родился на 760-й день Великой Отечественной войны) оцепенела сюрреалистическая смесь танкового скрежета Курской дуги, призраков живых трупов блокадного Ленинграда и неприкаянной физической или ментальной «безотцовщины» – последствия выкорчевки корней родословных древ, по стволам которых прошёл безжалостный каток истории, «вихрями враждебными» распыливший по свету носителей русской традиции, имперской чести и славы. Гражданская междоусобица сделала беспризорным подростка, кому суждено было стать моим отцом. Его усыновило балтийско-белорусское семейство Ильи Wertliebe. Поскольку у приёмыша не было при себе свидетельства о рождении, ему лишь при выходе на пенсию условно определили этой датой ровно полугодовой день – 15 июня. Почти как по Захару Прилетинову о «незаконном Шолохове»: «Носивший чужую фамилию и чужое отчество, по рождению – казак, по факту – сын лавочника... стал главным певцом и символом казачьего Дона».

Мой отец перед войной выучился на военврача, окончив сперва военно-медицинское училище в Омске и пройдя затем ускоренную стажировку в Военно-медицинской академии в Ленинграде. Уйдя на фронт, Александр Ильич Wertliebe (конечное «е» утратилось по канцелярской небрежности) не успел забронировать квартиру. Моя мама-блокадница похоронила от голода умершего своего грудного ребёнка и одной из последних эвакуировалась с распухшим от голода старшим сыном по «Дороге жизни» из осаждённого Ленинграда на «большую землю». Брата моего выходили, и кошмары пережитого постепенно рассеялись.

С мамой Клавдией Филипповной Киселёвой наш казачий род дичком привился к династии князей Волконских, прямоком восходящей к самому графу Льву Толстому. Помню, как тётушка Елизавета Алексеевна Волконская и её сын («тоже»

Лев Николаевич) у себя в Москве, на улице Перовской, 38, с гордостью показывали мне семейную реликвию – несколько стопок собственноручных бумаг графа Толстого. Казачья кровь от деда по материнской линии Филиппа Петровича Киселёва («рубил врага напополам в седле») спасала меня от компромисса с совестью и от стыда бесчестия – ибо исповедуемые строгие правила и твёрдые убеждения староверов и правдолюбов являлись надёжным гарантом оставаться самими собой – не курвиться, быть бедным, но честным. Два девиза запомнились от деда: корниловский «Душа – Богу, сердце – женщине, долг – Отечеству, честь – никому!» и казачий – «От лишних слов слабеют руки».

В 1943-м в эвакуации из блокадного Ленинграда родился я на Южном Урале: в городе Усть-Катаве Челябинской области (в войну оттуда поставляли фронту танковые пушки, зенитные платформы, миномёты, а после – не только вагоны, но и космическое оборудование). Был призван с третьего курса Ленгосуниверситета в армию – «подит-ка послужи». Продолжил учёбу: официально на филолога-русиста, а факультативно, параллельно – поучивавшись ещё и на философском, и психологическом факультетах. В перерывах успевал и «пободаться с дубом» – с негативным сбоем госсистемы: самиздатил и злил власти протестными демаршами. За открытое письмо в 1971-м первому секретарю Ленинградского обкома партии Григорию Романову меня после приёма экзаменов, при выходе из учебного заведения схватили люди в штатском, запыкали в милицейскую мигалку...

Ничего не оставалось как «рвать когти» из страны легализованной внесудебной расправы над инакомыслием. Запад прельщал возможностью реализации творческого потенциала (ведь мы все чувствовали себя гениями, а поэт Иосиф Бродский – лишь одним из нас: об этом мне писал и поэт Наум Коржавин). Вместе с тем он пугал экзистенциальной «потусторонностью» – секирой отсечения навсегда. Чтобы снять этот «сопутствующий ущерб» – привкус «тогосветия», мы паспортно жили на Западе, а душевно – Россией. Если для беспочвенного сознания Родина – там, где его любят или хорошо платят, то для умозрения почвенника-патриота – никак без сопричастности со всеобъемлемой русскостью. Свою надорванную пуповину связки с Родиной мы пытались вживить в «священные камни Европы» (определение Достоевского) – воскресить

историософски пространственно-смысловую целостность массива Россия-Европа – воспринимая изгнание из одной ипостаси Родины (Россия) месседжем в сопредельную другую (Евросоюз), для исполнения миссии «изгнание – это послание», с неизбывной потребностью временами антеевой подпитки духом почвы Родины.

Пусть её изначальный облик искалечен до неузнаваемости двумя ломками через колено: в 1917 и 1991. Пусть её национальный код индоктринировал шариково-швондеровую хватательную рефлексию, вызвавшую мутацию сознания в «совков Шариковых». Но Родину, как Мать, любят не за что-то, а потому что. Замес остаточных православно-имперских красот, советских безобразий и феодал-криминального новостроя, прилепившись к подошвам импортозамещённых ботинок фабрики «Скорход», унёсся с нами в инобытие. Миссия сохранения и упрочения русской этнокультурной идентичности – это возлюбить Россию-мать в любом обличье и говорить Правду о ней. Апостол Павел учил: «излагая слово истины, держаться прямого пути». И генералиссимус Сталин за прямизну: «Если вы правы и сумеете доказать свою правоту на деле, то никогда не считайтесь с чьими-то мнениями, а действуйте так, как подсказывает вам ваша совесть и ваш разум».

Любовь взыскующая требует прямого и честного отношения к покинутой России. Вплоть до сомнения: не ссучилась ли она? Как у Андрея Синявского, выпалившего в сердцах: «Россия – Мать, Россия – Сука, ты ответишь и за это очередное вскормленное тобою и выброшенное потом на помойку, с позором – дитя!». Эта дерзость возмутила Александра Солженицына и отозвалась в моём самиздатском труде 1970-х «Защита без оправдания» («Самиздат Ленинграда 1950-е – 1980-е. Литературная энциклопедия». Москва, НЛО, 2003, с. 132). Да, «пришлось солоно», «допекли». У католика философа Владимира Печерина свой резон «...сладостно отчизну ненавидеть, и жадно ждать её уничтоженья, и в разрушении отчизны видеть всемирного денницу возрожденья!». Однако Иоанн Златоуст пригвоздил хулителей святого: «Не подобает православным христианам матерны лаяти, матерным словом оскобляется, во-первых, Матерь Божия, во-вторых, родная мать человека и, наконец третья мать – Мать Земля».

Три отношения к Родине и у воителя православия Владимира Осипова. Первое – восходит, видимо, к карамазовскому

умозаключению «если Бога нет, всё дозволено». Осиповский аналог таков: если «отечества нет, а есть Карфаген, с его нищетой и произволом, и Вавилон», то допустима *ненависть* к такой сложившейся системе. Под Карфагеном понимается Россия, оккупированная чужебесием в «лихие 90-е». Созданный чиновно-олигархический капитализм есть строй исторически предназначенный для незаметного, медленного и потому верного уничтожения России. Под латинской фразеологией «Карфаген должен быть разрушен» («Ceterum censeo Carthaginem delendam esse») закамуфлирован настойчивый призыв к борьбе с околдовавшими Русь. Эзопов язык (иносказательно намекающий) – тогдашняя норма публицистического изложения. Вавилон – эмблематика общества потребительства-богатства-эгоизма-тщеславия – по контексту США.

Второй оценочный подход – спекулятивно-патриотический. Лже-патриот этакой ориентации «жаждет удушения всех и вся, кто ему не понятен». Такие, пишет Осипов, поносят Вавилон, но боятся его силы и духа. Учат, как надо жить по шпаргалкам иноземных двоечников. Мораль (с точки зрения их «правил») – это то, что им выгодно. И ещё – они не любят лавочников, но не потому, что их идеи враждебны отечеству, а просто потому, что те деляги ловчее их самих. У казённого патриотизма ненависть к разности. Когда же они сталкиваются с настоящим патриотом, то приходят в холодную ярость от «особенного патриотизма». Нация – это вера, кровь, язык и земля – прямые образующие силы нравственной действительности. Там, где кончается вера, кончается нация. Народ распадается буквально на глазах, когда тускнеет вера в Бога.

Третий вид отношения к Отечеству – это *Любовь*. Если племя завели в трясины, – только назад! Вернувшись обратно, к месту, от которого начали блудить, надо отдышаться, привести всё в порядок и зашагать вперёд по другому пути. Назад, чтобы действительно пойти вперёд! Патриот не побоится заимствований, если они укрепят отечество. Хотя лик Родины бывает нелицеприятным («жесток и бесчеловечен, маска до отвращения безобразна»), врагам не понять, что можно до рези в глазах любить Её. Любить – это значит переделать. Патриот не тот, кто бахвалится, а тот, кто болеет. Кто хочет изменить и возвысить. Любовь позитивная, «целевая», созидательная, «не взирая на лица». Но «привести всё в порядок и зашагать вперёд по другому пути» – пока не очень

получается у политического истеблишмента РФ. Всю дорогу вроде к переменам наступают на те же грабли: «хотели как лучше, а получилось как всегда». СВО толкает правящий класс РФ присягнуть Справедливости. Моя позиция по вопросу близка концептуальной точке зрения академика Игоря Шафаревича. Отказываясь как от «очень расплывчатого» термина «диссидент», учёный говорит о двух категориях. «Первые – это те, кто чувствует, что его судьба неразрывно связана с судьбой его страны, кто ощущает себя ответственным лично за её будущее. Вторые – все остальные...». В этом же своем майском 1978 года интервью корреспонденту «Франкфуртер Альгемайне Цайтунг» он чётко сформулировал «альтернативу» существующей системе: «Нужен возврат к Богу и к своему народу, ощущение общенациональных целей и чувство ответственности перед историей и будущим своей страны».

Мой друг писатель Вадим Нечаев в 1975-м спросил через открывание Библии наугад: надо ли мне эмигрировать? Указующий перст выбрал название главы – знак утвердительный, сулящий перемены к лучшему, начало новой жизни. Да и планидой двубытен: «Луне в Рыбах» самой судьбой предписано досовершенствовать себя за бугром – чтоб нести дому и миру обогащённую полноценную Правду. И ещё одно судьбоопределяющее действие приключилось со мной: в 1983-м получив американское гражданство и докторскую степень от университета штата Северная Каролина, самолётным попутчиком в Вашингтон оказался известный консервативный лидер США сенатор Джесси Хэлмс. Разговорились. Вскоре последовало сразу два приглашения на работу: в Южно-Африканский Кейптаунский университет – занять кафедру политологии («на одну восьмую зарплаты мог бы содержать восемь слуг» – объяснял мне Посол ЮАР в США на собеседовании в Вашингтоне) и на профессорскую должность в Европейский центр исследований в области безопасности им. Джорджа К. Маршалла. Предпочёл Гармиш-Партенкирхен. Там в дымке альпийских лугов вдруг обозначился и засиял мне крест, венчающий вершину германских Альп – Цугшпитце.

Крестное знамение шло флюидами от самого философа, дипломата и поэта Федора Тютчева. В Баварии он воспевал шедеврами «Я помню время золотое» и «Я встретил Вас и все былое в отжившем сердце ожило» свою писаную красавицу мюнхенского высшего света Амалию фон Лерхенфельд. То

было златыми деньками и для российско-германских отношений в целом. «Никогда ещё между германским государством и Россией не было столь искреннего и сердечного взаимопонимания» – писал Тютчев в своей статье «Россия и Германия» 1844-го в газете «Augsburger Allgemeine». Дочь Павла I Екатерина была просватана за баварского кронпринца (будущего короля Людвига I). Однако в 1801-м император Всероссийский Павел I – сын Екатерины II и Петра III, «русский Гамлет» – был убит (в заговоре британский след). Император Наполеон направил баварскому канцлеру графу Монжеля ультимативное письмо: Франция «с недоверием воспримет брачный союз между Баварией и другим суверенным двором, с которым у меня нет хорошего взаимопонимания». Тот династический марьяж не состоялся. Мне хотелось продолжить и закрепить тютчевскую линию на сближение Баварии с Россией и понимания Западом русской загадочности. Создать свой арсенал знаний для западных элит – слушателей Центра им. Маршалла, взяв за стержень гениальный афоризм Тютчева: «Умом Россию не понять, / Аршином общим не измерить: / У ней особенная стать – / В Россию можно только верить». Вокруг этого четверостишья скрестились философские шпаги при обсуждении русского менталитета. Никакая это не «апология русского маниакального иррационализма», а то, что Россия существует только благодаря вере её обитателей. А война верований – это противостояние цивилизаций. Так что менялась сама конфликтология противоборства, его смыслоопределяющие постулаты.

Конечно, «у России есть только два союзника – её армия и флот» – крылатое выражение, закрепившееся за российским императором Александром III. Но если «англичанка гадит» России исторически постоянно, то немцы онтологически не русофобы. Более того, «внешне германский и славянский типы представляются родственными. У обоих генотипов, – читаем у немецкого писателя Германа Гессе, – одна и та же склонность к мечтательности и мировой скорби». Ну а поговорка «что русскому хорошо, то немцу смерть» – навет германофобов. Как и обзывание германских рыцарей «псами» (да ещё с поношением «сволочами») – это злобная закладка Карла Маркса в «Хронологических выписках». Геостратегический смысл единит эти нации: обе мировые войны были развязаны закулисой с целью схлестнуть обоих «изгоев» в схватке

на взаимоистребление (по аналогии с той каверзой – и нынешние русско-украинский и германо-российский конфликты, со взрывом «Северных потоков»). Уинстон Черчилль прямо указывал на премьер-министра Британии Чемберлена как на виновника Второй мировой войны ещё в 1940-м.

России суждено самой выйти из губительного тренда (победить на Украине и имперски преобразоваться) и Германию как исторически ассоциативную с Россией – общую «Герусию» спасти от краха. Ведь понятие немец славяносодержащее. Средневековые к германцам относил всех, кто не походил на кельтов (галлов) и ираноязычных кочевников (сарматов); и посему к германцам были причислены и схожие славянские племена. Кстати, Русско-Германский легион освобождал германские земли от наполеоновцев в «Битве народов» в 1813-м. Конечно, лучше бы России быть самодостаточной, вне «спарок» с кем бы то ни было. Но если говорить о предпочтении, то органичнее альянс с Германией – «страшный сон» для натовцев. «Всемирно-всечеловечные» (русские, по характеристике Достоевского) и «сумрачный германский гений», с шеллинговой идеей «всеединства» тянутся друг к другу, как женское и мужское начала: «Россия-матушка» и «Des Deutschen Vaterland».

«Мила нам добра весть о нашей стороне, – писал Гавриил Державин, – Отечества и дым нам сладок и приятен». Но, как выразился поэт Игорь Северянин, «родиться русским слишком мало: им нужно быть, им нужно стать». Русскость, по Достоевскому, всемирно отзывчива, она помогает «найти в человеке человека»: распознать божественную индикацию человека разумного – Homo sapiens. Русская особость притягательна, как духовная субстанция «не от мира сего» – богоявленно-идеалистичная, тогда как западная – материально-эгоцентричная. «Я променяю счастье всего Запада на русский песенный лад печали» – признание европейца философа Фридриха Ницше. При сравнении культур западное мировоззрение отдаёт мещанством, по мнению философа Николая Бердяева, приведшим к уничтожению высших ценностей и варваризации общества. Не потому ли наш интеллигентский нигилизм «отщепенства от государства» на Западе стал трансформироваться в русофильство. Испытания укрепили веру и упрочили православные ценностные ориентиры – русскоцентричный

взгляд на Родину как «звезду, которую моряк определяет место в океане» (В. Шекспир).

В типологии моей эмиграции отражение всех видов её специфики: это и бегство от режима власти (как князь Курбский в Литву от Ивана IV), и этический императив Чацкого (героя Грибоедова): «искать по свету, где оскорбленному есть чувству уголок», и мотивация из стихотворения «Тучи» Михаила Лермонтова – таково «судьбы решение» и реакция на «злобу открытую». Главное: мы, гонимые страстотерпцы, онтологически противостояим «холодным и свободным» космополитам, у которых и родины нет по определению, и даже лишены чести быть изгнанными – поскольку они не «гонимы», а мигрируют от «наскучившей нивы бесплодной». Для таких у поэта ничего кроме презрения: «Нет у вас родины, нет вам изгнания».

В 70–80-е полуразрешили эмиграцию евреев в Израиль и русских немцев в Германию. Под этой ширмой ринулись многие. В сей дилемме «из двух пальцев» не нашлось места простому советскому Иванову Борису Ивановичу: моему другу-журналисту и писателю, одному из основателей диссидентского движения в Питере. Ему пришлось, кочегаря и охраняя лодки, срочно искать транзитные «еврейские корни». Инакомыслящим частенько заменяли высылкой из страны тюремный срок или психушку. Для писательствующей братии бичом божьим на чужбине было безъязычие (судя хотя бы по рассказу В. Короленко «Без языка»). Некоторые, «сделавшись ничем», не выдерживали и выбрасывались с небоскрёбов (самоубийцы Нью-Йорка предпочитали 102-этажный небоскрёб Empire State Building). Особенно трудно давалось войти в новую реальность идейно ищущим, погруженным всеми фибрами души в русскую стихию: всё наше мироздание было пронизано капиллярами повышенной проницаемости Родины – всё завязано на ней. Посему в докторантуре университета штата Северная Каролина (США) карьерным приговором мне прозвучал академический вердикт профессуры, что я «медленно американизируюсь» (!?). Через каторжные тернии я пробивался к своим целевым маякам в звёздно-полосатом полушарии. В инобытии, чтобы место под солнцем не оказалось около параша, приходилось денно и ночью вкалывать. Не принадлежащим к еврейской общине было физически трудно выживать – русские слабо-вяло консолидируются. Ведь после поражения-распада СССР и установления

в стране компрадорско-олигархического режима, как таковых диссидентов по определению не могло быть, при прозападной-то вертикали власти. Немцы называли нас *regimekritiker* – критиками режима – лишь добровольными переселенцами за лучшей долей. А это уже не эмиграция, а миграция по шкурным соображениям – прагматической целесообразности «неоплачиваемый Западом» выбор.

Если первая эмиграция привнесла собой русский интеллект («философский пароход»), вечные мировоззренческие ценности (пусть в противоборстве с общеродным, как у Чаадаева), соборный дух православия, историческую почву, нравственное миросозерцание, незримую связанность с родными святынями, культуру предков, великий и могучий русский язык, то небольшая кучка нас, всё ещё прямых наследников первоистоков православной цивилизации, предваряла мутно-канализационный сток из фарцни, урок с нар (чтоб замутить репутацию эмиграции), проституток, беглых партийцев и прочих «деклассированных», выбитых из привычной жизненной колеи. Не наша стезя обогащаться, пока не посадили.

Писатели Виктор Некрасов и корниловец ледового похода, издатель «Нового журнала» (Нью-Йорк) Роман Гуль дали мне «суперлативную» характеристику для поступления в докторантуру университета штата Северная Каролина. И третьим рекомендатором был известный достоевсковед, профессор директор Института Гарримана Колумбийского университета Dr. Robert Velknap. Учился в докторантуре (доктор философии – как вершины в пирамиде познания вещей), немного голливудил в массовках, подкармливался корректурой русско-американских словарей, был грузчиком, работал в «Новом русском слове», а режиссёр Олег Рудник – сочетал актёрство в Голливуде (вместе с Савелием Крамеровым) с работой таксистом в Нью-Йорке...

Продолжая первоэмигрантскую традицию устроительства тараканьих бегов в Стамбуле, писатель Анатолий Гладилин в Париже испытывал везуху на конных скачках. Тараканы – кони, нынешние клопы – данность «чрева Парижа» Эмиля Золя. Круговорот вещей в природе. Но если белоэмигранты создали Русский Берлин, Русскую Прагу, Русский Белград, Русский Париж, Русский Харбин, то жуликоватые «новые русские» – гламурно-гадкий Лондонград да американо-еврейский

Брайтон-Бич), откуда в панике бежали италийские мафиози, вытесненные «русскими» с одесского кичмана.

Имперцы первого исхода жили Святой Русью. В этом я убедился в личном общении с высокородными представителями придворных и великосветских российских кругов как на Западе, так и как участник «Первого семинара руководителей молодёжных организаций соотечественников, проживающих за рубежом», состоявшегося под председательством графа П. П. Шереметьева в Москве 23–27 сентября 2004-го, на котором выступил с докладом: «Нужно смелее привлекать зарубежный русский опыт на служение Родине». Слушала меня внимательно особенно второзимигрантская поросль – потомки «остарбайтеров» и по Ялтинским соглашениям перемещённых лиц (предки которых были насильственно выданы Советскому Союзу). Отпрыски же первой эмиграции (хотя и с полинявшим аристократическим лоском) были скептически настроены, подозревая во всех агентов Лубянки. Объединить эмигрантов всех волн и беглецов мы вместе с философом Петром Болдыревым попытались в Нью-Йорке – консолидировать русское зарубежье единой идеей консервативного либерализма образца правоведа Бориса Чичерина (наша статья «Солженицын и Янов» опубликована Сергеем Довлатовым в его «Новом американце»: Нью-Йорк, № 59, 24–31 марта 1981). «Только энергия разумного и либерального консерватизма, – писал Б. Чичерин, – может спасти общество от бесконечного шатания».

За нашу с Петром Болдыревым попытку «совместить несовместимое» все волны эмиграции дружно клеймили нас как «двурушников и бесов». Но время вносит свои коррективы: изначально непримиримый Интернационал сопротивления – Союз борьбы за освобождение народов России (СБОНР) перешёл на социал-демократические позиции. Меня охотно печатали в основных эмигрантских изданиях: «Континент» (на пяти языках), «Гнозис», «Наш современник», «Грани», «Вече», «Русская мысль», «Новое русское слово», «Новый американец»... С представителями всех волн русского исхода удавалось найти общий язык. Моими корреспондентами были: Глеб Струве и Роман Гуль, Александр Солженицын и Георгий Владимов, Виктор Некрасов и Владимир Максимов, Герман Ермолаев и Юрий Ольховский, Олег Красовский и Владимир Седуро, Алексей Хвостенко и Вадим Нечаев, Саша Соколов

и Алексей Цветков, Сергей Довлатов и Борис Парамонов, Пётр Болдырев и Вадим Крейд, Эдуард Лимонов и Григорий Климов, Иосиф Бродский и Дмитрий Бобышев, Евгений Вагин и Татьяна Горичева, Михаил Барышников и Калерия Федичева, Юрий Иваск и Наум Коржавин, князья Волконские и Абдурахман Авторханов, Александр Зиновьев и Михаил Назаров, Владимир Поремский и Евгений Вагин... В США параллельно с прохождением докторантуры по аналитической политологии и культурологии в UNC-CH и совместной с Эдуардом Лимоновым работы грузчиком, официально представлял творческие интересы российских писателей – Бориса Иванова, Аркадия Драгомощенко, Вадима Нечаева, Виктора Кривулина (поэта андеграунда), а также журналы «Часы», «37». Сердечная дружба с казаком и профессором из Принстонского университета Германом Ермолаевым, с которым вместе осмысливали русскую литературу и отстаивали факт написания «Тихого Дона» Михаилом Шолоховым (вопреки фальшивке психологической войны и убеждению Александра Солженицына). Нам обоим хотелось, чтоб к власти в России пришли честные, умные люди, выбранные народом. А разбежавшиеся славянские ручьи слились бы в русском море: «в возобновленной Византии» (фраза Ф. Тютчева) с российским всеславянским царём во главе.

О духоподъёмной вере-правде православной церкви говорили мы в кулуарах московского съезда руководителей диаспоры. Она призвана быть мощнейшим противоядием от сектантов и ереси, от чужебесия и подрывников православных основ русского миропонимания. Всё во имя сохранения и упрочения собственной этнокультурной идентичности – усиления Русского мира. В конце 1980-х мне удалось поговорить с Первоиерархом Русской Зарубежной церкви Архиепископом Виталием о русской эмиграции, как прибывшемся к вершине горы ковчеге, с которой видны все силы добра и зла в мире без иллюзий и прикрас. И я, посильно помогая церкви в Калифорнии, получил личное благословение от Первоиерарха на духовное противодействие сокрушению православной России. Поскольку церковь – не просто благочестивая исполнительница треб в житейском море, от неё во многом зависит судьба страны. «В православной государственной идеологии, сформулированной ещё во Втором Риме, – пишет публицист М. Назаров. – Церковь является духовной властью, заботящейся в симфонии с властью государственной о верном пути

всего народного корабля в этом море. В этой своей функции Церковь наставляет и государственную власть, исправляет её возможные ошибки. И даже когда должной государственной власти нет – Господь не избавляет Церковь от этой обязанности. Наоборот, в русской истории достаточно примеров того, как именно церковные вожди брали на себя ответственность и за государственное бытие народа, в том числе призывая к вооруженному свержению власти оккупантов. Так же и наша Зарубежная Церковь, ощущая себя преемницей истинной Русской Церкви, всегда сознавала свою ответственность за весь русский народ, в Отечестве и рассеянии сущий. Принятая в РПЦЗ в первые же годы эмиграции Молитва о спасении России неусыпно звучала вокруг всего земного шара». Православие – духовный остов Российского мировоззрения. Оно спасительно предотвратит конвергенцию христианства в язычество и убережёт от срама конфессионального главенства сомнительной «социохристосии». Поскольку релятивистски устремленный Запад вообще теряет веру, благословенна вселенски державная Россия Пресвятой Богородицы – центр притяжения для всех праведных цивилизаций.

В 1975-м Америка виделась контрастной землей обетованной. Через Толстовский фонд проходили перебежчики и эмигранты, писатели и неевреи. Глава фонда – потомок Дома Романовых по материнской линии, князь Теймураз Константинович Багратион-Мухранский придирчиво оглядел меня, как жокея коня перед скачкой, и позавидовал вслух тёплому свитеру (подарок от мамы) – единственное, что и было у меня от Родины, не считая котомки с Библией, «Бесами», «Дон Кихотом», «Мастером и Маргаритой», книжицей «Где твой дом?» Рида Грачева (с автографом: «...от бывшего друида, а ныне советского писателя»), с комплектом трусов и майки, да зубной щёткой; кукле от актрисы Людмилы Елисеевой с любовью питерские таможенники оторвали голову при досмотре на брюлики. «Но мы жили идеями, чего не могли понять сыщики».

В редакции газеты «Новое русское слово», где охотно предложили поработать, встретился с Эдуардом Лимоновым, Алексеем Цветковым (подарил ему, дрожащему от холода, пальто с себя) и Валентином Пруссаковым (отразил меня с моей пассией шведкой Бетси Карлсон в своих мемуарах «Прощай, Ахинея!»). В нашумевшем романе Лимонова «Это я – Эдичка» предстаю таким в Нью-Йорике (как мы называли

Нью-Йорк сити: придав названию города гамлето-шекспиров смысл и ёмкость фразеологизмом «Бедный Йорик» – ироничное сожаление о бренности бытия) сообитателем отеля Винслоу.

Эдуард, я и беглый офицер с советской подлодки составляли бригаду грузчиков (приходилось носить по крутым лестницам небоскрёбия даже стальные сейфы – при рыночной цене нашей рабсиле четыре доллара в час). Под пером Лимонова я таков: «...интеллигент из нашего отеля – высокий, белокурый человек 33-х лет – поэт Женя Кникич. Как видите, фамилия у него типично ленинградская – изошрённая. По специальности он филолог, защитил диссертацию на тему «Село Степанчиково и его обитатели Достоевского, с точки зрения странности»... Только он и я понимаем, что его профессия серьёзного ученого, специалиста по Гоголю и Достоевскому, преподавателя эстетики, никому тут не нужна. Тут нужны серьёзные посудомойки, те, кто без всяких литературных размышлений будут выполнять чёрную работу. В литературе тут своя мафия, в искусстве своя мафия, в любом виде бизнеса – своя мафия.

В русской эмиграции – свои мафиози. Белокурый Женя Кникич не был готов к этому, как и я. Как и я в своё время, Женя работал в газете «Русское Дело» у одного из главных мафиози русской эмиграции – у Моисея Яковлевича Бородатых. Мафиози никогда не подпускают других к кормушке. Те же шайки в каждой области. Но здесь я ещё дополнительно проигрываю, потому что писатель-то я русский, словами русскими пишу, и человек я оказался избалованный славой подпольной, вниманием подпольной Москвы, России творческой, где поэт – это не поэт в Нью-Йорке, а поэт издавна в России всё – что-то вроде вождя духовного, и с поэтом, например, познакомиться, там – честь великая. Тут – поэт – дерьмо, потому и Иосиф Бродский здесь у вас тоскует в вашей стране и однажды, придя ко мне на Лексингтон ещё, говорил, водку выпивая: «Здесь нужно слоновью кожу иметь, в этой стране, я её имею, а ты не имеешь». И тоска была при этом в Иосифе Бродском, потому что *послушен он стал порядкам этого мира, а не был послушен порядкам того*. Понимал я его тоску. Ведь он в Ленинграде, кроме неприятностей, десятки тысяч поклонников имел, ведь его в каждом доме всякий вечер с восторгом бы встретили, и прекрасные русские девушки, Наташи и Тани, были все его – потому что он – рыжий еврейский юноша – был

русский поэт. Для поэта лучшее место – это Россия. Там нашего брата и власти боятся. Издавна.

На перестроечной волне в России вспомнили о писательско-философских паромодцах второго призыва. Журнал «Аврора» (1990, № 12) оповестил, что своим творчеством потянулись на Родину некоторые бывшие соотечественники-писатели. В статье Владимира Акимова «Непривычная литература» наряду с Сергеем Довлатовым значилось и моё имя. Журналист Максим Максимов взял у меня интервью «Красно солнце в недрах пещерных» для газеты «Смена» (25 августа 1990). Последовала большая статья С. Н. Носова «Россия Евгения Вертлиба»: журнал «Звезда», 1991, № 11. Откликнулась и «Советская культура»: «Демоны глухонемые», 5 мая 1991. Вскоре явилась в свет моя 400-страничная книга: «Русское – от Загоскина до Шукшина (опыт непредвзятого размышления)». Изд. «Библиотека «Звезды», Санкт-Петербург, 1992. 50-тысячным тиражом! Предисловил сей труд маститый академик РАН Александр Панченко (Пушкинский дом), назвав своё введение моего творчества в культуру России – «О книгах Евгения Вертлиба». Он констатировал, что это «своего рода *пособия по самопознанию России*». Мою другую книгу – о Василии Шукшине он квалифицировал так: «*Это хорошая, солидная книга, настоящая монография*». И впрямь: журнал «Грани» (№ 163, 1992 год) счёл этот мой труд «лучшей книгой о Шукшине». В связи с выходом в свет этой книги, Солженицын мне в письме от 21.8.92: «Это хорошо, что “Звезда” взялась за серьёзные книги».

В серьёзной аналитической политологии я «засветился» в апреле 1981 докладом «Относительно “этического парадокса”: разница между российским и американским менталитетами» на научно-теоретической конференции Западной ассоциации социальных наук в Сан-Диего (США), в секции по обсуждению готовящейся к печати в Голландии книги Владимира Лефевра «Алгебра совести. Сравнительный анализ западной и советской этических систем». Воскрешу мысли всё ещё актуального тогдашнего доклада. Владимир Лефевр – профессор Калифорнийского университета в Ирвайне, социальный психолог и математический аналитик. Мне это имя известно по труду «Логика рефлексивных игр и рефлексивное управление. Принятие решения человеком», Мецниереба, Тбилиси, 1967. Теория рефлексивного управления – это

о передаче одним индивидом другому такой информации, которая послужит основанием для принятия решения, predeterminedенного передающей стороной. Что в координации с Центром перспективных оборонных исследований даёт тонкую технологию зомбирования личности для манипулятивного управления сознанием, выработки гуманитарной стратегии антитеррора и моделирования супермена: боевого машинно-человеческого киборга. Работая над сравнением идей бихевиоризма и ментализма, он создал модель, которая связывала биполярное вероятностное поведение субъекта с его ментальной сферой. По Лефевру существует две этические системы оценки добра и зла. Первая построена на отрицании зла, вторая – на декларации добра. Например, «не лги» – I, а «будь честен» – II. В одной системе объединение добра и зла оценивалось как зло, то есть ложка дегтя портит бочку меда; в другой системе объединение добра и зла оценивалось как добро, то есть благая цель оправдывала дурные средства. Причём, в системе, в которой объединение добра и зла есть зло, индивиды возвышались в собственных глазах, когда вступали в сотрудничество друг с другом. Тогда как в другой системе, в которой объединение добра и зла оценивалось как добро, индивиды возвышались в своих глазах вступлением в конфликт. Эта модель объясняла отличие американского менталитета от советского и ценностную разность этих сравниваемых этико-социальных систем.

Россию постбеловежского периода новейшей истории учёный рассматривает как продолжение «совка»: «Российское общество принадлежит ко второй этической системе – потому что к ней принадлежал СССР. В рамках этой системы отсутствует процедура разрешения конфликта, которая сохраняла бы достоинство обеих его сторон. Всегда есть победитель, проигравший и некая сила, стоящая над схваткой». То, что в РФ строй наподобие авторитарного «потому что власть и народ отделены друг от друга, и люди, особенно в провинции, не способны сами разрешить конфликт – непременно должен быть начальник».

И к феномену «широта русской души» по трактовке Лефевра есть нарекания. Нельзя эту категорию представлять узко и линейно. Полагаю, что поведенческая сдержанность – европейская прерогатива. Молчалинско-европейская «умеренность и аккуратность» – лишь частично релевантна

русской крайности самовыражения, точно зафиксированному Алексеем Константиновичем Толстым: «Коль любить, так без рассудку, / Коль грозить, так не на шутку, / Коль ругнуть, так сгоряча, / Коль рубнуть, так уж сплеча! / Коли спорить, так уж смело, / Коль карать, так уж за дело, / Коль простить, так всей душой, / Коли пир, так пир горой!» Но русская, бескрайне широкая как воля вольная, экзистенция сама как бы нейтрализует, утишает, разбавляет свою неуёмную, трудно обуздываемую беспредельность. В рамках русской мысли, как полагал философ Николай Бердяев, вполне возможно сочетание множества противоположностей, примером чего могли служить революционеры, продвигавшие, однако, радикально консервативные взгляды. Русскому человеку, таким образом, не свойственна жёсткая категоризация тех или иных понятий. Поэтому мой вывод: он не вписываем ни в какую регламентацию «прокрустовых» констатаций. А являет собой оригинальный конструкт – не узколинейной конфигурации, а пространственно-ёмкий. Поэтому её особенность не улавливается западной узколобой *линейной* «эвклидовой геометрией», а скорее *пространственной* – Лобачевского. Да, аксиомы и постулаты древнегреческого учёного на мафусаиловы века определили геометрические законы, но Евклид рассматривал объекты на плоскости (и создал *планиметрию*), а XIX век востребовал изучение *пространства в объёме* – *стереометрию*. Вот и явился на свет коллективный труд Н. И. Лобачевского «О началах геометрии». Не специально для измерения России («аршином общим не измерить»), однако же, для подчёркивания очевидного для русских, что дважды два – может быть не только четыре, но и «стеариновая свечка», или «почёсывание затылка». «Не загоняй себя до смерти» («Don't run to your death») – это не метафора ни для русской «бессистемной» энергетики самовыражения, ни для западного делового «воркоголика» (вкалывающего ради дела). Умное делание требует самодисциплины труда.

Это как сравнивать тезис «вольному воля» с куцей концепцией свободы как «осознанной необходимости». Русская вольница – это «свобода, соединённая с простором, с ничем не преграждённым пространством. А понятие тоски, напротив, соединено с понятием тесноты, лишением человека пространства. Притеснять человека – это прежде всего лишать его пространства, теснить. Вдох русской женщины: “Ох, тошнёхонько

мне!» Это не только означает, что ей плохо, но, что ей тесно, – некуда деваться» – рассуждает академик Дмитрий Лихачев в своих «Заметках о русском». Кстати, у меня сорвалась встреча с этим неоднозначным человеком pro et contra. Я, даря ему свою книгу «Русское – от Загоскина до Шукшина» через секретаря, задал несколько письменных щекотливых вопросов (сам он «срочно отбыл в Смольный»). Вопросы: «Как в Вас сочеталась публичная любовь к Сталину и портрет Пастернака на столе? Как так Вы, учёный-патриот – автор книг об обороне древнерусских городов (1942), о национальном самосознании Древней Руси (1945) и прочее, сошлись с Фондом Сороса и создали вместе с Раисой Горбачевой «Культурную инициативу» и академию «Гремландия» по промывке патриотических мозгов и замены их мыслями столь космополитическими, что истинных патриотов России Валентина Распутина и Василия Белова причислили к ксенофобам, чуть не «фашистам»? Правда ли, что Вы, будучи студентом историко-филологического факультета Ленинградского университета посещали масонскую ложу «Космическая академия» и что в лагере Вы действительно работал на органы ГПУ-НКВД? В мою бытность в Ленгосуниверситете студентом и затем кандидатским соискателем одним из моих профессоров был известный Вам выдающийся знаток древнерусской литературы Игорь Петрович Ерёмин. Почему он 13 мая 1957 г. на III Всесоюзном совещании по древнерусской литературе во время Вашего доклада «О зарождении литературных направлений в русской литературе» встал со своего места в президиуме и вышел из зала? Не кажется ли Вам, что *проводимая Вами модернизация древнерусской литературы и тем самым искажение её, отрывает Древнюю Русь от её корней – от Православия, народности и фольклора?* Как Вы в телеинтервью позволили себе такое пророческое высказывание: «Россия будет как арабская нищая страна, угрожающая Европе»? Как увязать Ваше осуждение лжепутча августа 1991-го, приветствие октябрьского расстрела Парламента в 1993-м, подписание пресловутого «Антифашистского письма»-1994 – действий, направленных против свободы русского народа, с орденом Св. Андрея Первозванного?». Ответа не последовало.

То, что журнал «U.S. News & World Report» определил российскую армию на данный момент лучшей в мире, подтверждает факт незнания со стороны США объекта экспансии.

Они ошибочно сочли *сумму – сущность*. А сущность России сами давненько подзабыли, перестав изучать сей субъект. А Россия – тайна за семью печатями: каждый раз восстаёт из пепла небытия особенной. Это свойство вечной птицы Феникс. Как военный самолёт отстрелом дипольных отражателей и ложных тепловых целей противодействует ракете в него летящей, так и русский ум во самоспасение осуществления своего замысла способствует своей неразгаданности: на дважды два русская классика даёт кодированный ответ – «стеариновая свеча, или почесывание затылка». Попробуй просчитать этот «постмодерн» Тургенева-Достоевского! И назидание от Достоевского в «Записках из подполья» «тайноохранное», абстрактно-уклончивое пояснение: *«человек всегда как-то боялся этого дважды два четыре»*. России в глазах Запада вроде и воевать нечем, и экономика почти «разорвана в клочья» – ан нет: «жив курилка». Мистико-генетический потенциал духовно-победной экзистенции редко постижим иностранцами. Россия уклончива в навязанных вызовах, но если уж медведя доведут до рыка грозного, – «сдайся, **враг, замри и ляг!**», как сказал поэт Маяковский.

Пора в полном объёме восстанавливать русскую имперскую идентичность – вернуться к полносуверенитетной себе и русским, окраинам вернуться к Матери из атироссийских странствий. Для консолидации большого народа в справедливом ДЛЯ ВСЕХ его компонентов укладе – открыть шлюзы для бывших россиян, отменив в РФ западные язвы, такие как: «монетизация льгот», «пенсионная реформа», «оптимизация здравоохранения», болонский ЕГвизм образованщины и ввести суровую кару за скрытное продолжение «менеджерами государства в государстве» курса по дискредитации, ослаблению и убиению державы российской. В свете государственной задачи кратно нарастить России свой потенциал для адаптации и обустройства громадных пространств от Тихого океана до Балтики и Чёрного моря вопрос о стержневой идеологии консолидации «большого русского мира» становится основополагающим.

г. Париж, Франция